

Виктор Акаткин

**«МИР
НАВЕКИ
ПРЕКРАСЕН...»**

(Лев Коськов —
поэт «гармонической точности»)

Виктор Михайлович Акаткин (1939–2025). Родился в селе Березняговка Усманского района Воронежской области. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, литературовед, литературный критик. 25 лет работал деканом филологического факультета Воронежского государственного университета. Публиковался в журналах «Подъём», «Вопросы литературы», «Русская литература», «Литературное обозрение», «Филологические науки» и др. Автор более 500 публикаций о русской литературе XIX–XXI вв., из них 14 книг. Член Союза писателей России.

Лев Коськов оставил родную землю, но его стихи еще сильнее напоминают о нем и продолжают радовать нас, обретая какое-то новое измерение, можно сказать, классическое. Еще в студенческие годы, в молодом кипении Дней поэзии ВГУ о нем говорили: «Лева классик!» Может быть, столь высокая оценка прозвучала авансом, но по сути она верно определяла особое качество его поэзии. Лев Коськов поэт классический по крови, воспитанный «школой гармонической точности». Теперь все определеннее вырисовывается его облик, все сильнее ощущается обаяние его стиха.

Теперь, когда распахнуты страницы,
Где лес безлиствен и лазурь мертва,
Я вам печально благодарен, птицы,
Туманный воздух, люди, дерева.
Я знал давно, что счастье жить меж вами,
С грядущим мраком быть накоротке
И с тайной болью лепетать стихами
На бесконечно щедром языке.

У нас общепринято некрасовское «Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан» или евтушенковское «Поэт в России — больше, чем поэт». Но главное в поэзии поэзия, говорил Пушкин, а гражданином можно быть,

Лев Коськов

не будучи поэтом. Лев Коськов поэт по природе и сути своей, поэт от первых шагов по земле до последней строки по преданности Слову, по бескорыстию вдохновения.

Подробность детства дорогую
Никак забыть я не могу:
Ловил я бабочку цветную
Ладонью на большом лугу.
Была она пестра на диво!
И я влюбленно и ревниво
Не успевал за ней бежать...
И улыбаюсь я счастливо,
Что не сумел ее поймать.

Поэт явление сложное и загадочное, но им может быть тот, кто наделен светлой душой и воображением. «Поэзия бывает исключительною страстию немногих, родившихся поэтами, — писал Пушкин, — она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни...» Все житейское, бытовое для них второстепенно, поэтому они кажутся людьми не от мира сего, странными чудаками. Но истинный талант, считал Пушкин, обладает «поэтическим достоинством», которое невозможно превзойти, умалить.

Жизнь, наше земное бытие для поэта Божий дар, на который он отвечает благодарным словом. Ему ведь все дано: и земля, и небо, и путь так живи, одолевай беды, боль и мрак, воплощай мечты и дерзания, а если не получается не жалуйся и никого не обвиняй:

Ты с грустью говоришь: «Не повезло...»
Ты охаешь: «Эпоха... поколение»,
И требуешь удачи, где могло
С привычным делом справиться терпенье.

Поэтический мир Коськова — словно намоленный храм, созданный долгим, любовным старанием, он просторен и приветлив, открыт для всякого, но требует духовного внимания. Отношение автора к Божьему миру уважительное и любопытствующее, все в нем кажется ему интересным и важным: все видимое и звучащее, все, что «меняет очертанья» и что живет в полную меру своих сил. В любой момент поэт оказывается там, где происходит что-то особенное и где не избежать удивления и восхищения. Иным наш мир кажется Божьим наказанием, тягостной морокой, Коськову же Божьей благодатью, наградой и красотой. И он истово, самозабвенно созидает в знак благодарности свою ответную красоту.

Ни облачка. Лазурь живая
Стоит широко. И фонтан
Бьет серебром, изнемогая
В кольце полубезумных канн.
О, сколько красоты и муки,
И тайной нежности, когда
Живут в предчувствии разлуки
Цветы, и воздух, и вода.
Все молодо, пестро и ярко,
И струи звучны и легки.
И в полдень на скамейках парка
Блаженно дремлют старики...

Кажется, эта картина из вечноности, но она живая, звучная, сверкающая, вызывающая восторг и муки одновременно, как вообще вся преходящая жизнь. И как тут уместны в апофеозе красоты не для контраста, а для ее усиления блаженно дремлющие старики!

Большой мир состоит из малых примет, океан из волн и капель. Особенность поэтического зрения — в том, что оно, воспринимая и то, и другое, сращивает их в целостный образ. Не увидел, не порадовался малому не удивишься и не скажешь о большом. В аннотации сборника «Ветвь» сказано, из чего вырастают убедительная правда и поэтическое обаяние стихов Льва Коськова: «Обычные детали повседневности, простые житейские ситуации, скромные русские пейзажи все это одушевлено пристальным взглядом поэта, все это ветвь могучего и вечнозеленого дерева жизни». Это одушевление мира в природе поэтического дара, что и отличает поэта от остальных. Коськов заявил однажды:

... Не люблю я этого уменья
Из собственного мозга извлекать
Метафоры и точные сравненья.

Ему дороги сами по себе живые подробности мира, которые его останавливают, а не расхожие идеи и лозунги.

Люблю твои просторные поля
И ветер их, спокойный и широкий.

Великий Гете говорил: «Когда поэт всякий день вбирает в себя настоящее и насвежо воссоздает то, что открывается ему, это бесспорное благо, и даже если что-то ему и не удастся, ничего еще не потеряно... Мир так велик и так богат, так разнообразна жизнь, что поводов для стихотворства у вас всегда будет предостаточно. Но это непременно должны быть стихотворения „на случай“, иными словами, повод и материал для них должна поставлять сама жизнь. Единичный случай приобретает всеобщий интерес и поэтичность именно потому, что о нем заговорил поэт...» Поводы для высказывания у Коськова всегда обусловлены его интересом и любовью к шуму и сиянию живого мира.

Одна из примечательных особенностей поэтики Коськова сдерживать себя, как можно меньше проявлять собственные пристрастия. Он полагает, что достаточно просто называть предметы и вещи как они есть, а они удивительны и прекрасны сами по себе. Прекрасна порхающая бабочка над лугом, прекрасна жалобно и тонко кричащая чайка над морем, прекрасны желтые поля в квадратах лесополос, прекрасны синие ставни на хатах, прекрасен покосившийся ветрячок на окраине городка. И как отвести глаза от белого, парящего над землей облака, будто творящего всему миру державную оду! Зоркое внимание поэта погружено в разнообразие и красоту природного и культурного мира и с удовольствием занимается его преобразованием. В отличие от многих современных поэтов, Коськов не озабочен своей биографией, своей судьбой. Он погружен в мир и щедро делится его метаморфозами и очарованием. Поэт не любит рисовать статичные картины, где все застывает и гложет. Пейзажи его полны смыслового движения, светотеней и разнообразных голосов.

И над гнездовьями с утра
Трубит грачиная морока.
И легкий луч поет широко
На бронзе царственной Петра.

Огни поезда, «качаясь, убежали прочь», сквозь колесный перестук поет ветровая струя, а в раскрытое окно ломятся соловьиные рулады. Картину жаркого летнего дня, когда все вроде бы замирает в изнеможении, оживляет череда глаголов.

Сверкала, плавилась, дышала,
На солнце нежилась река
И важно на себе качала
Деревья, лодки, облака.

Чтобы рисовать такие картины, надо быть в родстве с миром, приблизив его к душе любовью и вниманием:

А я уверен и спокоен
И принял словно благодать,
Что ежедневно удостоен
Высоким воздухом дышать,
Что нам прижизненно дана
Лазурь распахнутая неба,
Горячка слов, краюха хлеба
И кружка красного вина.

От стихов Коськова глубоко дышится, крепнет чувство свободы и уверенности в незыблемости бытия, в прочности родства и счастья на земле. Его стихи откровенно патриотичны, хотя он не из ряда гражданских поэтов, они звучат проникновенно и клятвенно.

О нет, я не способен на измену
Моей земле, моей зеленой, где
Узнали мы решительную цену
Любви и хлебу, слову и воде,
Где пот, и честь, и боль нам въелись в поры,
Где выпало нам мыслить и дышать,
Где были мы детьми и на которой
Мы звезды научились различать.

Все стихотворение тут одно предложение, один порыв во всю жизнь: от земли до космоса, от «Я» к «Мы» — единый дух верности, любви и подвига! Этот порыв захватывает и глубинную творческую волну.

Я не могу надежную безвестность
Сиюминутной славе предпочесть
И детством заповеданную честность
Сменить на кратковременную честь,
Когда за неудачами моими
Деревья и созвездия следят
И юноша, носивший мое имя
Всего пятнадцать лет тому назад.

Здесь тоже одно предложение один высокий настрой, одна музыка. Никакого разнобоя, никаких колебаний или уступки низу и чернухе. Да, и года к суровой прозе клонят, и мир может почернеть от взрывов и пожарищ, и человек поддаться всяческим слабостям и уговорам, но на них есть и пародия, и сатира, и колющий юмор, чем как раз богат поэтический арсенал Л. Коськова.

Ты заигрался, мальчик мой любезный!
Ты все лелеешь свой высокий дар
И над уютно выдуманной бездной
Стоишь монументальный и помпезный,
Как у парадной лестницы швейцар.

Однако от прозы жизни как таковой, а тем более — от всяких бед, неустройства и обойденности жребием Коськов не отворачивается: прочитайте «У кладбищенской ограды...» или «Вот женщина с железными зубами...» и о многом в нашей жизни придется задуматься или всплакнуть.

Вот женщина с железными зубами,
Мужской пиджак, на лацкане медаль,
Обочь дороги тихими шагами
Идет бредет куда? В какую даль?
И что ее в такую рань подняло?
Как ива придорожная, крива,
Она, бедняга, столько отмахала,
Что вышла за пределы естества.
Олимпиады, войны, депутаты,
Христопродавцы, теноры, вожди,
Весельное учение, нитраты,
ГКЧП, кислотные дожди.
Ревет тяжелый рок... Знобит планету...
Грядущий день теряется во мгле...
А все ползет карга по белу свету,
Стуча железной палкой по земле.

Достучится ли она до чего-нибудь? Услышим ли, позовем передохнуть? Узнаем ли, куда и зачем идет-бредет она? Или ухмыльнемся либерально? Может, это Россия пробрела мимо нас в лихие девяностые? С кого теперь спросить за эту бабку? У Коськова мир «надежен и широк», а жизнь «щедра и высока», день «полон солнцем и ручьями»: может, «не надо горьких истин, хвалы или хулы»?

В последней трети века
Земля горит огнем,
А что до человека
Стоит он на своем:
Реальный мир он мерит
Величием трудов
И ежегодно верит
В обилие плодов.

Новейшие времена перенасыщены субъективностью, хлесткими, но однобокими (цеховыми, групповыми, партийными) оценками, мы отошли от эпической мудрости древних поэтов и русских былин. «Мир в ощущении расколот», жаловался А. Прасолов. Л. Коськов пытается избежать плоской оценочности, обращаясь к урокам классики.

Герои тешатся словами,
Не ведая, что все давно
Бескомпромиссными богами
Заранее предreshено.

В поисках нужного слова Коськов встает перед предметом со множеством определений, однако заявляет: «Слова бессильны. Лучше промолчать». Он даже убеждает себя:

Не надо хитрить и лукавить,
Выказывать тонкость ума,
Коль нечего больше прибавить
К холодному слову зима.

И тут же дает совет: нарисуй девочку с сосулькой во рту вот тебе и будет лучшая зима. А соревноваться с парусом в дымке над морем — вообще дело безнадежное:

Навеки позабудь наивные слова
И молча укажи на дальний парус белый.

В своем самом известном стихотворении, в котором он когда-то сравнивал вечерние снега с балеринами Дега, теперь признает, что снег

Он хорош и без сравнений,
Потому что просто снег.

Но ведь целое стихотворение наговорил о снеге: и как среди уличных свечений он ведет свой плавный бег, и как валит стеною плотной «Молодой и беззаботный, / И задумчивый слегка»; и как видится поэту сквозь снег Она юная, робкая и влюбленная, машущая рукавичкою зеленой... Все тут работает на это воспоминание, высвеченное, словно вспышкой, этим снегом. Это не просто снег, а молодость, поэзия, любовь. А «Поэзия вечная тайна. Понять нам ее не дано»... В конце концов суровый Л. Коськов согласился «у слова быть на поводе», если оно созрело, а

Коли слово не созрело,
Не грешно и помолчать.

В его стихах не только воздух пространства, но и воздух времени, истории, многовековой культуры: византийская лазурь, бойницы Кремля, решетка Летнего сада, картины Писарро и Синьяка, стихи Верлена, цезарианская солдатня, державная ода, песня Кольцова, Блоковская строка, одышливая походка Мандельштама, дедовские могилы... И все это не ради демонстрации кругозора, за всем этим возникает таинственное величие и огромность мира, все манит и завораживает, но и пугает непредсказуемостью, хотя все уже многократно повторилось.

Стих Л. Коськова знает и называет многие исторические реалии прошлых и нынешних времен. Одних они повергнут в прострацию, у других вызовут чрезмерную лирическую гордыню. Коськов — ни с теми, ни с другими, его оптимизм можно назвать драматическим или фаталистическим, ибо он принимает все, что на земле случилось, даже самое страшное, так как все это в порядке вещей. Всякое бывало на нашей планете: и всемирный потоп, и землетрясения, и войны, и революции, и массовая гибель людей, а что еще страшнее может произойти? Творческий дух ничем не утратишь, не удивишь, он вольно витает над морями и вулканами, над полями битвы и пашнями, он всегда там, где смена караула, где рождение и смерть, где красота и уродство, где завтрашний день вырастает из вчерашнего.

Отсюда одна из основных особенностей поэтического мира Л. Коськова: скоротечность, текучесть бытия, бесконечные метаморфозы видимого и душевного, нежелание остановиться, закрепиться на чем-либо, словно на бетонированной площадке. Его классический стих настаеж открыт современным настроениям, быть может, катастрофическим, но он всегда стремится обуздать их, ввести в рамки: о чем тужить и плакать, если «мир надежен и широк»? Мотивам радости земной всегда сопутствуют мотивы утрат, ухода, бесповоротных расставаний. Обратим внимание: не только облако уплывает, но и тень от него. А что же остается пустота? И даже воспоминания истаивают, как пенистый курчавый след на воде, и вся прошедшая жизнь кажется сном. Но и это все равно прекрасно. Разве ушедшее безобразит то, что осталось? За уплывшим облаком набегают другие, добытое и сотворенное ценою жизни передается детям и внукам, по закону метаморфоз пустот не бывает. К тому же все уходящее у него в ореоле любви, значит, оно не только было, но и есть, оно живет в нас и с нами. Конечно, мироощущение его не благодушно, не беспечно, оно далеко от самодовольства и наивной веры во власть над временем. Скорее, это — высокая народная мудрость, готовность ко всему, даже к собственному уходу за грань бытия.

При всем понимании текучести мира, непостоянства всего и вся, в стихах Л. Коськова нет и тени нравственного релятивизма, моральной неразборчивости, духовного и гражданского хамелеонства, что давно не ново в литературной среде. У него редкая для наших дней стоическая честность и верность заветам юности. Честность не только бытовая, она на уровне бытия и творчества, большого исто-

рического времени (вспомним «человека на мосту», судом которого поверяет себя подавшийся «позорному благородию» герой в поэме Маяковского «Про это»). «Я не могу» не просто слова, не публицистическое заявление для печати, а жизненное credo, подтвержденное и житейски, и творчески. При всей своей образованности, при незаурядном уме и трудолюбии Л. Коськов не сделал служебной карьеры не вступил ни в один писательский союз, хотя его литературный авторитет безоговорочно признавали, много лет подряд бескорыстно готовил поэтическую страницу «Воронежской недели», до конца дней вычитывал и правил горы рукописей, приходящих к нему отовсюду...

Л. Коськов никогда не писал так называемых «датских» стихов, потому что всякие даты, как и вехи внешней биографии, ему попросту неинтересны. Однако ко большому историческому времени он прислушается, если увидит что-то стоящее внимания. Ну как не сказать о том, что все меньше тепла в мире? Как не отметить подвижки и перемены на переходах от зимы к лету или игру светотени в зале музея, как не сравнить то, что было, с тем, что стало теперь? И особенно зорок Коськов ко всяческим прихорашиваниям, стихотворной пудре и румянам, к тому, как плодится и нагнет графоманство. Ирония, насмешка, сатира все это вошло в его стихи последних лет, явив нам нового Коськова: не лирика, а чистильщика Авгиевых конюшен стихотворства, сурового дворника, выметающего захламленные коридоры поэтических ристалищ. Неспроста взялся он за этот неблагодарный труд: повсюду засилье штампов, пустопорожних слов, бездумных «сезонных печалей», однообразных переживаний, охоты играть роль поэта, не будучи им по сути и призванию, корыстного желания мелькать, заполнять собою экраны и страницы...

Себе же он все строже наказывает: пора отказаться от романтических прикрас и метафорических приподыманий, пора вернуться к базовым словам и называть вещи своими именами этот почти акмеистический призыв зазвучал у него давно, как только схлынула пена поэтического прилива 60-70-х. Однако называть «просто» еще труднее, ведь при этом нельзя потерять красоты и поэтичности. «Слова бессильны. Лучше промолчать» — та же декларация, только с обратным значением. Да и не молчит он, а соревнуется словом с уходящей грозой, с говором и запахами тополиных листьев и цветущей сирени. Самого себя он убеждает: лучше, как в самой жизни, все равно не скажешь, поэтому лучше промолчать или просто сказать: «зима», «снег», «дождь», «лето». Как бы не так! На все свои попытки отказаться от поэтических затей он отвечает:

А жизнь, пожалуй, как ни хороша,
Но без твоей хвалы несовершенна.

* * *

Прижизненно было издано пять поэтических сборников Льва Коськова: «Кассиопея» (1978), «Ветвь» (1986), «Стихотворения» (2000), «Благодарение» (2004), «Лирика» (2005). От сборника к сборнику они росли в объеме: если в «Кассиопее» было всего 64 стихотворения, то в «Лирике» — 221.

Первые два сборника редактировала Л.П. Шевченко, в трех остальных редакторы не названы. Что же касается составителей, то их фамилий нет ни в одном сборнике, сам же Л. Коськов от этой роли всегда отмахивался. Обычно друзья подолгу выманивали у него еще и еще, но поэт, невинно улыбаясь, отвечал: «Больше нет у меня стихов, все принес». Однако всякий раз что-то находилось, и сборники заметно полнели.

...Разбирая архив поэта, его жена, Вера Александровна, обнаружила около ста нигде ранее не печатавшихся стихотворений. Это была поистине удивительная,

неожиданная находка. Найденные стихотворения не были черновыми вариантами или отдельными строфами, они оказались вполне на уровне ранее изданных, столь же разнообразными по тематике и жанровому содержанию: лирика, сатира, эпиграммы, пародии, четырехстрочные притчи-афоризмы. Они существенно дополняют и корректируют творческий портрет Льва Коськова-поэта, выявляют необычайную широту его духовных поисков и читательских интересов, глубину мыслей и переживаний, сближающих его поэтическое творчество с русской классикой.

Возникает вопрос: почему Коськов утаивал обнаруженные стихи от составителей его сборников? Ответы могут быть самые разные, но мы выскажем лишь предположение: эти стихи как бы не сошли еще с рабочего стола, они отложены с не поставленной точкой. Но в них — тот же строгий мастер-стихотворец: он весь в работе, с заточенным карандашом или острым копьём, поэт и критик одновременно...

А жизнь идет отважно, и она
Еще нежней, томительней и краше
И новой благосклонности полна
К тому, кто причастился этой чаши.

Статья В.М. Акаткина подготовлена для книги Льва Коськова «Мир навеки прекрасен...», которая вышла в Воронеже в конце 2025 года.

